

О. Ю. Трыкова

Граффити в субкультуре и художественной литературе

В статье рассматриваются особенности современных граффити (на основе текстов, собранных студентами педагогического факультета и самим автором). Приводятся и классифицируются примеры использования граффити в произведениях отечественных авторов: И. Ильфа и Е. Петрова, Вл. Высоцкого, В. Ерофеева, Л. Петрушевской, О. Митяева.

Ключевые слова: субкультура, фольклор, граффити, отечественная литература XX в., виды использования граффити в литературе.

O. Ju. Trykova

Graffiti in a Subculture and Fiction

In the article features of modern graffiti (on the basis of the texts collected by students of the Pedagogical Faculty and the author) are regarded. Examples of use of graffiti in works by Russian authors: I. Ilf and E. Petrov, Vl. Vysotsky, V. Yerofeev, L. Petrushevskaya, O. Mityaev are presented and classified.

Keywords: subculture, folklore, graffiti, Russian literature of the XX century, types of use of graffiti in literature.

В изучении фольклора с некоторых пор произошли весьма знаменательные изменения – в поле зрения исследователей народного творчества стали попадать произведения не только устного, но и письменного характера, что, с одной стороны, казалось бы, противоречит самому определению фольклора как устного народного творчества, но с другой – в полной мере соответствует современному состоянию некоторых жанров.

Так, на наш взгляд, изучение современного фольклора немислимо без девичьего альбома (песенники, анкеты), без его «разнополого собрата» – альбома дембельского. Вполне закономерным представляется включение в этот жанровый ряд и такой популярной, активно развивающейся разновидности, как ГРАФФИТИ.

Итак, граффити, по определению исследователей, – «уличные настенные надписи... (от ит. graffiti – нацарапанные)» [6, с. 518]

Однако, несмотря на древнее происхождение жанра, относящееся еще к Древнему Египту и античной Греции, в отечественной фольклористике этот раздел остается по-прежнему почти неизученным.

Как показывают наши наблюдения, современный фольклорный жанр граффити вмещает в себя не только «уличные настенные надписи», но и тексты, оставляемые на стенах различных помещений, на столах учебных заведений и т. д. (впрочем, с этим согласен и исследователь граффити М. Л. Лурье).

Кроме того, современные граффити можно разделить на художественно-изобразительные – с четко

выработанным стилем рисунка, с весьма трудно читаемыми текстами, – и собственно текстовые граффити, которые и будут объектом нашего внимания.

М. А. Лурье выделяет около семи разновидностей жанра [6].

Опираясь на данную классификацию, мы можем выделить граффити: манифестационные, преимущественно связанные с фиксацией имени объекта («Таня», «Здесь был Коля»); наряду с этими, для студенческих аудиторий типичны граффити, выражающие эмоциональное и физическое состояние («Надоело!», «Хочу спать!», «Хочу есть!»); граффити, манифестирующие пристрастия студентов («Джордж Клуни – самый лучший мужчина на свете!», «Люблю Сережу!»).

Монологическая форма записей часто переходит в диалогическую, что вполне соответствует тенденции к усилению коммуникативной функции молодежного фольклора: «Беззащитный человек / Утопает в море, / Хоть улыбка на лице, / Но какое горе! – Ерунда. – Это не ерунда, это – ПРИКОЛЬНО! – Нет, ерунда»; «Кнопка для удаления преподавателя. – Не работает!» и т. д.

Помимо названных особенностей, для граффити характерно тяготение к афористичности (или хотя бы к метафоричности, рифмованности строк): «Доведу “финика” до состояния сухофрукта. Телефона нет, но есть желание!» (надпись в трамвае № 1, г. Ярославль).

Как это типично для всей молодежной субкультуры, граффити носит открыто протестный, оппозиционный характер.

Наряду с другими «дикими» жанрами современного фольклора, граффити нередко стремятся «приручить», устраивая фестивали и т. п.

Изучение граффити дет богатый материал в познании потаенных и нередко сублимированных устремлений молодежи, ее психологических и моральных проблем, а также отношений «к миру и человеку».

Жанр находит свое отражение и в русской литературе. Одно из, на наш взгляд, первых – ставший культовым роман И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев». Еще в 20-х годах XX в. в главе 38-й мы читаем: «Остап, забыв о величественности Дарьяльского ущелья, закричал, стараясь перебороть грохот и стоны Терека: – Великие люди! Обратите внимание, предводитель. Видите? Чуть повыше облака и несколько ниже орла! Надпись: “Коля и Мика, июнь 1914 г.”. Незабываемое зрелище! Обратите внимание на художественность исполнения! Каждая буква величаво в метр и нарисована масляной краской! Где вы сейчас, Коля и Мика? Киса, – продолжал Остап, – давайте и мы увековечимся. Забьем Мике баки. У меня, кстати, и мел есть! Ей-богу, полезу сейчас и напишу: «Киса и Ося здесь были» [4, с. 278].

Уже здесь мы видим отражение граффити, предназначенное увековечить личности, бывшие в данном месте. Эта тенденция не иссякла и поныне (см. начало статьи) и свидетельствует не только о живучести традиции, но и о стремлении человека оставить свой след в мире (будь то скала, школьная парта, студенческий стол и т. д.).

Кстати, благодаря популярности романа и фильма Гайдая, подобные надписи («Киса и Ося здесь были») еще долгое время появлялись в самых различных местах.

Во второй половине XX в. традиция поддерживается и нашими знаменитыми бардами (В. Высоцкий, О. Митяев), и автором сборника «Метрополь» В. Ерофеевым, и – чуть позже – одним из лидеров современной художественной прозы Л. Петрушевский.

Итак, в 1978 г. В. С. Высоцкий пишет «Письму к другу, или Зарисовки о Париже» («Ах, милый Ваня! Я гуляю по Парижу...») [2, с. 458]. Заметим, что это год расцвета творческого дара поэта, именно тогда написана «Охота на волков» и пр. Для нашей темы особенно важно последнее четверостишие:

«Проникновение наше по планете

Особенно заметно вдалеке

В общественном парижском туалете

Есть надписи на русском языке!» [2, с. 458]

Выступая на концертах, В. С. Высоцкий комментировал: «Я сам там был... читал... И в конце еще написал: «Здесь был Вася».

Таким образом, и тут мы видим отражение в литературе манифестационной функции граффити: заявить миру о своем существовании и присутствии.

Несколько иное – в песнях О. Митяева. По крайней мере в двух его балладах, где присутствует граффити, доминирует лирическое начало. В песне «С добрым утром, любимая» говорится о надписи на асфальте, из-за которой «так расстроится ГАИ». Интересно, что здесь имеет место некий дуализм авторства. Сначала это «написал какой-то местный идиот», но потом выясняется, что автор граффити – сам лирический герой.

То же и в песне, где звучит:

«И кто-то пишет

Рукой согретой

На замороженном троллейбусном стекле:

“Крепитесь, люди, скоро лето!”

И всем от этого становится теплей».

(Позднее «всем» меняется на личностное «мне»).

Вполне ясно, что песня появилась задолго до аномального лета 2010 г., но тогда подобные граффити часто появлялись на замерзших окнах общественного транспорта.

Совсем иное отражение жанра граффити – в рассказе В. Ерофеева «Ядрена Феня» из сборника 1978 г. «Метрополь» [3, с. 432–437].

Там автор, вполне соответствуя магистральной линии своего творчества («Русская красавица», «Попугайчина» и др.), обращается к скандальной по тем временам теме надписей в общественных туалетах. Вот граффити на двери мужского туалета: «Это был довольно редкий экземпляр, своего рода шедевр, парад необузданной коллективной мужской мысли. Во все стороны разлетались надписи, исполненные разноцветными чернилами, пастой, химическим карандашом, а также ножом и еще бог весть какими колющими предметами. Мохнатая жизнь страстей овеществилась в татуировке пространства. Жанры смешались. Стихи соседствовали с прозаическими пассажами, лоснящимися афоризмами. Мычащие междометия, утыканные, словно перьями, восклицательными знаками, порхали по всему пейзажу. Дверь цвела. Здесь было все: советы, рационализаторские предложения, похрюкивания, вопли вздыбившейся плоти, элегические остроты, предостережения и угрозы, мрачная и смачная инвектива в адрес Леночки Сальниковой (не сердись, Лена!), отрывки, здравницы, автографы с датами и городами, намеки на толстые обстоятельства, истошные призывы и совершеннейшая дичь» [3, с. 433].

В отличие от других писателей, В. Ерофеев фиксирует и граффити-рисунки: «Помимо текстов имелись, разумеется, и рисунки. Один отличался от

прочих габаритами, древностью. Созданный в размахе всей двери, он уже порядком стерся и был заслонен позднейшими слоями. Однако угадывались контуры женщины, улетающей вбок, к ядреной Фене, с лицом в профиль: простоволосая, глаза – узкие, низкий лоб насильницы и убийцы, челюсть неряшливо отпадала» [3, с. 434].

Тут же приходит и осознание, давнее название самому рассказу: «Да это она сама и есть, ядрена Феня!» И сам заглавный образ вырастает до гипертрофированных размеров, возносясь к прообразу языческой праматери.

Не забыта автором и тема русского мата (мельком: «В орфографии блаженного русского мата царил хаос»).

Не случайно перед буйством «сортирного граффити» герой оказывается бессилён внести что-либо свое, остается лишь восхищаться: «Да, думал он, такие двери надобно снимать с петель. Покрывать лаком и отправлять в запасники государственных музеев; пусть там хранятся до поры. Как драгоценнейшие документы эпохи... – ядрена Феня летит да поет! – как образцы народного творчества» [3, с. 435].

Увы, в женском туалете им не найдено ничего: «дверь была девственной», «женщины хранили загадочное, убогое молчание» (это не совсем так, исходя из нашего собирательского опыта. – О. Т.)

В начале XXI в. эстафету обращения к фольклорному жанру граффити подхватывает Л. Петрушевская: в конце 2002 г. журнал «Октябрь» публикует ее «Морские помойные рассказы» [8]. В отличие от предшественников, она упоминает и самый распространенный вид граффити – настенные росписи («Я видала такое на стене... У нас в южном Бутове все на улице исписано этими задачками. Все стены!») [8, с. 99].

Коротенький рассказ 15-й, столь же ироничный, как и песня В. Высоцкого, использует еще и прием «остранения». Известный детский анекдот, намекающий на распространенное нецензурное слово («икс, игрек + 11-я буква в алфавите»), здесь развертывается в сюжет, диалог морских и пр. обитателей. И вывод, весьма значимый не только для рассказа, но и для функциональной значимости граффити в целом: «Это они пишут, чтобы оставить свой след в будущем» [8, с. 99].

Итак, дав общую характеристику фольклорному жанру граффити, рассмотрев его воплощение в шести произведениях русской литературы (большинство из которых было создано во 2-й половине XX в.), мы можем сделать следующие выводы:

– обращение к данному жанру довольно последовательно усиливается по мере его актуализации в реальной действительности;

– граффити упоминаются, играют определенную роль как в произведениях прозаиков (И. Ильф, Е. Петров, В. Ерофеев, Л. Петрушевская), так и поэтов-бардов (В. Высоцкий, О. Митяев), начиная с 20-х гг. XX в. до начала XXI в.;

– цели – различны, как различны и виды упоминаемых граффити;

– очевидно, доминируют манифестационные, связанные с фиксацией имени объекта и его местопребывания (у И. Ильфа и Е. Петрова, у В. Высоцкого, отчасти – у В. Ерофеева);

– нашли свое отражение в художественных произведениях и граффити, выражающие эмоциональное и физическое состояние (песни О. Митяева);

– мало выражен протестный, оппозиционный характер жанра, а также его изобразительный характер;

– но в целом налицо довольно живой отклик нашей литературы на один из самых популярных видов современного фольклора. Это свидетельствует о том, что до сих пор наша литература «отражает жизнь» в самых разных ее проявлениях.

Библиографический список

1. Бажнова, Е. В. Граффити [Текст] / Е. В. Бажнова, М. Л. Лурье, К. Э. Шумов. – М.: Современный городской фольклор, 2003. – С. 430–449.
2. Высоцкий, В. С. Избранное [Текст] / В. С. Высоцкий; составитель Г. Грибовская, под ред. А. Адамовича. – Мн., 1993. – 591 с.
3. Ерофеев, В. Ядрена Феня [Текст] / В. Ерофеев // Метрополь: Литературный альманах. – М., 1991. – С. 432–437.
4. Ильф, И. Двенадцать стульев [Текст] / И. Ильф, Е. Петров. – М., 1982. – 303 с.
5. Колчин, Г. Все секреты граффити [Текст] / Г. Колчин // СК. – 2010. – 23 ноября.
6. Лурье М. Л. Граффити [Текст] / М. Л. Лурье // Русский школьный фольклор. От «вызываний Пиковой дамы» до семейных рассказов / сост. А. Ф. Белоусов. – М., 1998. – С. 518–529.
7. Митяев О. Шансон – не убогий! Олег Митяев знает формулу хорошего настроения [Текст] / О. Митяев // АИФ. – 2011. – № 7 (1580), 16–22 февраля. – С. 30.
8. Петрушевская, Л. Морские помойные рассказы [Текст] / Л. Петрушевская // Октябрь. – 2001. – № 11. – С. 90–103.
9. Соколова А. А он на краску больше трагит [Текст] / А. Соколова // СК. – 2009. – 4 сентября.
10. Трыкова О. Ю. Граффити как жанр фольклора [Текст] / О. Ю. Трыкова // Трыкова О. Ю. Детская литература и фольклор: аспекты взаимодействия: сб. статей. III издание, испр. и доп. – Ярославль, 2007. – С. 90–93.
11. Трыкова О. Ю. Граффити Трыкова О. Ю. // Трыкова О. Ю. Путеводитель по современному детскому фольклору. Часть II. Ярославль, 2009. – С. 101–123.